Успенский Георгий Михайлович
Рассказ о судьбе двух братьев.

Успенский Г.М. родился в 1917г., его брат Владимир Михайлович в 1919г., который волею судьбы воспитывался и вырос в Германии. Отец Успенский Михаил Михайлович, 1884 года рождения, из дворянского рода, окончил Высшее Московское военное училище, участник 1–ой Мировой войны, награждён почётным орденом Владимира с мечом. В период революции 1917г. отец не захотел участвовать в братоубийственной бойне и в 1920г. водным транспортом выехал в Корею, а потом по ж/д в Манчжурию, в Харбин. В Харбине русских было много – строители КВЖД и обслуживающий персонал. Отец снял квартиру в районе.

Мать, Александра ждала третьего ребёнка и очень болела перед родами, у неё появилось сильное кровоточение и во время родов она умерла. В 1923г. мы остались втроём. Отец бился, как белка в колесе – работал сторожем, разгружал вагоны, шел на всё чтобы прокормить нас. Потом он нашел постоянную работу.

В 1926г. он женился на приехавшей из Германии Эмилии Людвиговне Эсмайер. В 1927г. она предложила уехать всем в Германию. У неё там остались муж и дочь. Она предложила уехать с Георгием и Владимиром первой, а отец должен был приехать позже. Но Георгий заболел корью и остался. Таким образом, они расстались. Во время переписки отец с ней не поладил и просил, чтобы она отправила Владимира в Харбин. Но Эмма Людвиговна отказывалась отдать Владимира. В Германии назревал фашизм, появился Гитлер, с перепиской стало туго, но отец надеялся. После начала войны связь прекратилась и брата потеряли. Таким образом, Владимир оказался в Германии, получил там образование.

В 1929г. отец поступил на китайскую ж/д в качестве старшего телеграфиста. Мешонова Елизавета Дмитриевна – телеграфистка, на ней отец женился. Георгий поступил в училище. Родился брат Александр.

После училища надо было работать, но специальностей никаких не было поэтому был проводником, охранял пассажиров от китайских бандитов. В дальнейшем подходило время японской оккупации Манчжурии и они стали вербовать молодёжь в Ассановский отряд (по имени Ассан). Гитлер готовился к войне с Советским Союзом, союзник Япония скапливала квантунские войска. Молодёжь вербовали насильно.

В1937г. Григорий женился, на дочери железнодорожника Осминкина Андрея Павловича, Ирине. В 1938г. родился сын Валентин, позже переехали на станцию Сарту Степная, обзавелись хозяйством, жили безбедно, материально не нуждались. Чтобы Григория не преследовали в ассановский отряд, он пошёл работать паспортистом, в 150 км от Харбина. Чтобы уехать в Харбин необходима была виза, Григорий выписывал и продлял визы.

В 1945г. когда Советские войска освободили Манчжурию от японцев, это случилось быстро за неделю. Григорий поехал в Харбин с женой, чтобы

учиться на курсах КВЖД, остановились у знакомых. Пришёл он к начальнику в 11.00, попросили подождать и написать адрес на заявлении где остановились, а в 13.00 в обеденное время пришли два солдата с автоматами и сказали, что Успенского вызывает начальник на 10-15 минут. В городе ходили слухи что арестовывают. Пришли в бывшее жандармское управление, офицер попросил немного подождать, потом зашёл солдат и посадил его в одиночную камеру.

1 ноября 1945г. просидел с неделю, потом проходил медосмотр, потом вновь отвели в камеру, к вечеру подсадили в камеру парня, который оказался “наседкой”. Григорий первоначально этого не понял, рассказал о своей жизни. Через неделю зашёл старшина и попросил написать, что ему нужно из одежды, и сказал, что нас отправляют на родину. Я написал письмо жене, чтобы она прислала денег, у нас было 10 тыс. рублей. Затем снова нас посадили в общую камеру и принесли всё то, о чём мы просили в письме. К вечеру нас посадили на три бортовых машин, сидя лицом к кабине в сопровождении двух автоматчиков. Везли ночью, чтобы никто не видел нас. Привезли в тупик там стоят вагоны теплушки, стали нас по ним распределять. А там слева деревянные решётки, двух этажные нары, в углу буржуйка. В эти клетки и запихали по 46 человек. Под утро прицепили эти вагоны. Всю ночь привозили людей, было слышно. Повезли в сторону Читы, ехали примерно три дня, на каждой станции сажали новых людей. Приехали в Читу, поместили нас в здание НКВД, где были уже японцы и китайцы. Пробыли с неделю, опять в эшелоны и повезли в сторону Урала. Перед городом Верхотурье нас стали выгружать в пустой лагерь. Заходим в бараки, топим печки. На кухню определили людей. Кормили здесь не плохо, были трофейные продукты. Здесь пробыли 20 дней как карантин, после этого пешочком повели куда-то. Впереди японцы, китайцы затем русские, навстречу колонна пленных немцев, которые были плохо одеты. Был мороз, а они в чём попало, все растрёпанные. Дошли до города Верхотурье, поместили по баракам, организовали столовую, баню. Лагпункт этот находился недалеко от Манчжурии, где наверху был большой крест. Удивились что он сохранился, оказывается было решение снять крест, но кто только залезет снять его, тот срывался и убивался. Поэтому крест и остался. Пожили здесь немного и стали распределять по лагпунктам. Меня и еще человек 800 отправили на лагпункт Буравлянка, который занимался лесозаготовками. Многие ребята были знакомы с лесоповалом. Начальник Журавлёв наказал организовать бригады. Ребята быстро это организовали, легко трудились. За перевыполнение плана привозили из кухни обед и большие пироги. Отношение было не плохое. Через полтора месяца на работу не вызвали, построили буквой “П” и выходят высокопоставленные лица, благодарят за работу. Органы разберутся, кто не виновен – дадим квартиры, выпишем семьи. Так было раза три, потом через 1,5 года опять собрали в городе Верхотурье, приехало человек 50 следователей и стали вести допросы. Не было узурпаторских отношений, не кричали, не угрожали, беседовали, спрашивали биографию. Меня следователь вызывал 2 раза,

беседы были по 15 минут. Спрашивали, читал ли антисоветскую литературу, делился ли с кем либо:

– Да делился
– Значит делали вред родине, распространяли клевету.

Когда следователи закончили стали распределять по лагпунктам. Меня, я уже болел цингой, отправили в главное управление Верхотуринскими лагерями. Врач посмотрел, оставил и начал лечить ноги. В течение двух недель это прошло. Затем отправили пешком в Лозевский лагпункт, около 250 км. Шли дней 5-6, было болотистое место, были подложены деревья. Через некоторое расстояние разъезды. Прибыли в Лозево где тоже были лесозаготовки. Зимой строили плоты для летнего сплава. На складе я был приёмщиком. Через некоторое время вызывают в спецчасть, говорят, распишись. Читай обвинительное заключение ОСО: «Ты обвиняешься по ст.58 п.6,10,11, срок 20 лет. Пункт 6 – шпионаж, пункт 10 – агитация, пропаганда против СССР».

– Я невиновен

Так и не подписал. Через неделю посадили в барак усиленного режима на три месяца, за то что собирался якобы бежать. На работу водили грузить вагоны. Настроение было ужасное, обещали выписать жену, а тут 20 лет. Получилось так, что я нашёл стёклышко и хотел перерезать жилу, чтобы не ходить на работу. Пилил, но не получилось, задел вену, вызвали врача, дали освобождение. В конечном итоге не мог разогнуть левую руку. Приходит из санчасти человек – это Николай Александрович, бывший наставник реального училища. Он начал лечить руку, делал гимнастику. Начал воспитывать, перевоспитывать:

– Не дури, а борись за жизнь.

Воры в законе относились ко мне не плохо, расспрашивали меня как там в Харбине. Я фантазировал, как мог, они меня полюбили, куривом завалили, жизни учили. Так продолжалась моя жизнь, 3 месяца прошло, на два дня отпустили и снова посадили. Пробыл там еще с год и просидел всё время в БУРе. В 1948г. меня и еще часть людей отправили в Верхотуринский лагерь, определили на работу в ДОК, с напарником Николаем Ивановичем грузили шпалы, увозили и распределяли по эстокадам. Всё это делалось пешком, проценты зарабатывали хорошие, но их у нас отбирали, и мы быстренько превратились в доходяг. Потом определили меня в санчасть, через некоторое время встретил человека, бывшего КВЖД–ка, я ему понравился и говорил мне тоже, что и воры в законе: «Если будешь жить в дружбе с начальством, не выживешь 20 лет. Заметят, что с ними контачишь – тебе не жить».

Я следовал его советам, сидел постоянно в штрафных лагерях, поэтому отношение ко мне всяких авторитетов было хорошим. Однажды назначили меня бригадиром, бывшего чуть не убили, узнав, что он снюхался с начальством. Это было в 1948г. с полгода. Потом собрали всех нас манчжурцев и отправили в Озерлаг Иркутской области. Там мы работали в бригадах, я был бригадиром. Майор Вяткин был против БУРов, хороший был

человек. Среди наших ребят были такие, которые были недовольны этим режимом. Некоторые организовывали побег, а именно полковник с манчжурцем. Я был в курсе дела, они очень тщательно готовились. Столовая была посередине лагпункта и в один прекрасный день они дождались машины, которые приезжали к столовой. Ребята которые собирались бежать, закрыли надзирателя в подвале, сами в прыгнули в кузов, а полковник за руль и выехали из лагеря. Началась стрельба, три человека убили. Объявлена тревога, погоня, живых побегушников не привозили.

Среди нас были два манчжурца и Семёнов Пётр, они тоже были в побеге. Около вахты бросили три трупа, ещё принесли 5 трупов и бросили на показ. Дня через четыре, а может через неделю приводят наших, манчжурцев и Семёнова, садят в изолятор, утром выводят их полуголых на развод. Бригады проходят на работу, а они должны были кричать «Мы беглецы». Так их мучили каждый день, после этого их по одному вызывали и спрашивали:

–Ты женат?

– Да

И начинали лупить. Вызвали Семёнова и задали тот же вопрос, он ответил «нет» и тоже лупили. Они остались живыми, так как их поймала другая охрана. Через определённое время их отпускают в общую зону, зачислили в бригаду. Они остались живы, только один Семёнов недавно скончался.

042 Озерлагпункт

Ещё одна история из жизни 042 Озерпункта. В одной «особенной» бригаде были установлены бочки, надо было уложить пролёты. Этой работой занимался Павел Чашин с Семёновым и Широнгазовым. Когда мост был готов и ожидался приезд начальника. Перед этим бригаду Чашина вызвали, 60 человек, и переодели в новую форму, вывели их на мост с инструментами. В это время подъезжает Гвоздевский на спецмазде, началась показуха, журналисты. Потом одежду забрали, а через некоторое время в газете появилась заметка, что комсомольцы выполнили задание, построили мост, а ведь строили зеки.

Через некоторое время лагпункт стал закрываться и стали всех перераспределять по разным лагпунктам: на 050, 405, 403, 404, 011, 016 – штрафные лагпункты. Я сначала на 013, потом на 050, где не выходил из БУРа, затем на 011, где чуть не убили меня. Нас выводили в наручниках, надевали их спереди. Случилось так, что мой друг, испанец Антон Марализ, был с температурой и ему дали больничный. Нас у вахты посчитали и спросили, кого не хватает, когда сказали что один на больничном, капитан приказал его привести. Испанца тащили, я не выдержал и набросился на надзирателя. Капитан кричит: За малейшее нарушение – стрелять. Привели нас в траншею, наручники сняли и сидели там. Когда шли назад капитан опять пригрозил убить. Я изготовил шприц, взял в санчасти иголку, запустил в шприц слюну и ввёл в запястье. Утром у меня температура +40, рука не

болит, врач пришёл и дал освобождение. Рука к вечеру стала пухнуть и нарывать, но не болела. Зековский врач сказал, что необходимо отправить в больницу, а вольнонаёмный сказал что «ничего не сдохнет». В результате меня всё же отправили на 042, в больницу. Когда повезли, нарыв лопнул и такой запах пошёл, как из туалета, охрана забегала. Ехать надо часа два с лишним. Приехали, повязка намокла, стоит вонь. Хирург, нерусский, осмотрел меня и сказал: «Если хочешь с рукой остаться, говори что сделал с рукой». Сделал мне под наркозом 8 надрезов и вылечил, в конце концов.

Вот таким образом приходилось спасать себе жизнь. Я не раз так делал, то на ноге сахар растопленный, чтобы гнить нога начала, получишь освобождение – дают масло подсолнечное, его в рану и это способствует продлению раны полтора месяца. Это называлось «мастырка». В одном и том же лагере так не делали, могли заподозрить.

В лагерной системе прожить очень тяжело, нужна мгновенная реакция на всё. Люди разных сортов: лагерные придурки – обслуга (бухгалтера, охранники, сан.часть). В большинстве случаев это были ставленники оперуполномоченных, старшего режима, на общие работы они не ходили. С этими людьми старались не общаться.

Бригадиры облегчали труд бригады, выбивали хорошие пайки. Придурки боялись бригадиров, находили доводы, чтобы от них избавиться. Вольнонаёмные жили очень плохо, нужна была одежда. Бригадир мог всё это достать. Когда бригадир находится вне БУРа, мог появиться начальник режима. Бригадиры перед ними не вставали, следовательно, постоянные конфликты, опять отправляли в БУР. Бригадиры не подчинялись не коменданту, не подрядчику. Все их за это уважали. «Лучше быть в БУРе чем овечкой». Большинство буровцев остались в живых, а кто подчинялся тех и гоняли. 40 млн погибло за колючей проволокой.

Через некоторое время отправили на 016 лагпункт – начальник майор Ефремов. Очень хороший человек, БУР пустовал, охрана у него была не грубая. Успенского поставили бригадиром каменного карьера. Майор Ефремов был очень обходительный, очень вежливый. Видно было и чувствовалось, что он жалел людей.

В медчасти была женщина – Ермолова , которая тоже очень хорошо относилась к людям. Вижу я раз что одному бригаднику надо подправиться, я иду к ней, рассказываю что пару ребят надо оставить и она говорит: Давай их сюда. Даёт им освобождение на полмесяца, а я им все остатки с кухни приносил. Глядишь, через пару недель они поправились. Вот такая была работа.

Затем я года 1,5 пробыл там, на меня опять наверное стучали, докладывали и отправили на 013 потом на 050, где из БУРа, что там я не выходил. На 050 меня встретили недружелюбно, как нарядчик с комендантом так и лагерное начальство, и сразу посадили в БУР, я там просидел столько, сколько просидел на 050–м лагпункте. Выводили нас на работу, иногда прямо в гарнизон, так как начальству гарнизонному надо было пилить дрова чтобы отапливаться. Со мной как всегда испанец, Антон Маралез, выводят

нас, садимся пилить. Некоторые добросовестно пилят, а мы с ним надпилим и переворачиваем пилу и вроде пилим, чтобы конвой видел, что мы вроде качаемся, а на самом деле не пилим ничего. Потом вдруг появляется капитан из охраны и начинает кричать: «Ах вы, враги, мы вас заставим узнать советскую власть! Что она из себя представляет!».

В результате этого капитана не оказалось. До нас дошли слухи что кто-то из конвоя слышал эти слова, исказил их и передал в НКВД, и этого капитана арестовали. Так вот и он стал врагом народа.

Через некоторое время нас отправили на работу на узкоколейную ж/д, где она проводилась в сторону дальнего лесоучастка: 405–го, 403–го, и 404–го. Дорогу эту надо было оформлять, перед тем как накладывать пути, надо было корчевать пни. Через какой-то период времени приходит этап, и нам подбрасывают одного парня, симпатичного такого. Утром его вместе с нами выгнали на работу, приготовили инструмент – пилы, топоры, и вдруг этот парень берёт топор, подходит к пеньку, ставит ногу и отрубает себе пол ступни. Кровища кругом, паника. Начальник конвоя зашумел: Ложись!

Я на него: «Какой ложись, перевязывать надо ногу». Срываю с себя рубашку, ребята тоже, пытаемся остановить кровотечение. Начальник конвоя бесится: «Лежите гады!». Я его начинаю уговаривать, чтобы унести человека в зону, потом же тебе за это отвечать, наверное. Начальник согласился, мы быстренько сворганили носилки и принесли его в зону. В санчасти ему сделали перевязку, но кровь не прекращалась, нужно было вести его в больницу, а больница была за ж/д. Машин не было.

Наконец утром появилась машина, и его увезли в больницу. Через некоторое время мы узнали, что парень этот скончался. Впоследствии нашу бригаду поставили на песчаный карьер на погрузку песка, меня поставили командиром. Как-то вечером к нам в БУР привели человека, он забился в угол и только на следующий день его растормашили. Он рассказал, что из Свердловска. Он с семьёй поддался на уговоры Советского посольства и их агентов в Шанхае, что он нужен родине и выехал в СССР. Его привезли в Свердловск, там он работал главным инженером там на почтовом ящике. Затем ему предложили вступить в партию. Работал он не покладая рук, но через несколько месяцев к нему в кабинет вошёл мужчина в гражданском. Начал расспрашивать как там в Шанхае, каким образом оказался здесь? Мужчина оказался из НКВД. Затем он предложил проехаться в управление. В конечном итоге он оказался в лагере. Что случилось с семьёй, не знал. Он ничего не ел. Его все опекали, дали кличку шанхаец. Однажды он решил бежать, и его убили.

Бывали случаи провокационные. Там где находилась санчасть была угловая вышка, перед санчастью колючая проволока – запретная зона. Выходит один из заключённых из санчасти, а с вышки ему парень молодой кричит: «Курить хочется, а спички уронил, подай пожалуйста». Заключённый отвечает что запретка – нельзя. Охранник сказал, что ничего не будет. Заключённый, ничего не подозревая, полез за спичками. Только вылез, тот его с вышки уложил, сказал что побег. Получил за это отпуск и поехал домой

в деревню, а там всё не так рассказал. Когда вернулся назад, в одно из дежурств он застрелился, так как все в родной деревне от него отвернулись.

Во всех лагерях заключённых кормили очень плохо – собирали иван-чай, его в котлах варили, добавляли немного крупы. Этим и кормили да ещё 200гр каши.

Постепенно люди умирали. Покойников грузили на санки, телегу и вывозили через вахту. Вахтёр берёт деревянный молот и бьёт каждого покойного по голове, вдруг оживёт.

Лагерная песня «приблатнённая», такую кличку нам дали.

Товарищ, Сталин, вы большой учёный
В науках вы познали высший толк,
А я простой советский заключённый,}
И мой товарищ серый брянский волк.} 2р

За что сижу по совести не знаю,
Но прокуроры как всегда правы.
И вот сижу я в Таруханском крае,
Где при царе сидели в ссылке вы. } 2р

И вот сижу я в Туруханском крае,
Где часовые грубы и строги,
Я это всё конечно понимаю,
Как обострение классовой борьбы.} 2р

Всю жизнь в грехах мы сходу сознавались
Этапом шли навстречу злой судьбе
Мы так вам верили товарищ Сталин
Как может быть не верили себе. } 2р

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
А мы в тайге с утра и до утра.
Мы здесь (не поняли) раздували пламя
Спасибо вам я греюсь у костра. } 2р

Товарищ, Сталин, ты не спишь ночами
Прислушиваясь к шороху дождей,
А мы лежим на нарах штабелями,
И нам чужда бессонница ночей. } 2р

Я вижу вас в своей партийной кепке,
И в кителе идёте на парад,
Мы рубим лес, а сталинские щепки,
Как раньше наши головы, летят. } 2р

Вся грудь у вас в наградах, вся в медалях,
И волос от заботы поседел,
Ведь вы же сами из ссылки убегали }
А я дурак ни разу не сумел. } 2р

Вчера мы хоронили двух парнишек
Мы их не укрывали кумачом,
Один из них был правым уклонистом
Другой, как оказалось не причём.

Живите 1000 лет товарищ Сталин,
И пусть в тайге померать придётся мне,
Я верю будет чугуна и стали,
На душу населения в стране.

Мы верили Сталину, при его жёстком режиме, когда из жизни ушло 40 млн. безвинно осуждённых человек. Но всё же справедливость восторжествовала, после XX съезда стали реабилитировать и пачками выпускать людей. Наступает 1953г. и я оказываюсь на лагпункте 013, начальник которого майор Эйтлин – еврей. Он был узурпатором, мучил людей по БУРам. Когда заболела его мать, он вызвал нашего врача, повёл домой. Старушка лежала и чуть-чуть дышала. Врач похлопал её по щекам за что майор стал его избивать, потом в изолятор и на общие работы.

Меня направили в бригаду Павла Чашина, он бал мастером погрузочно–разгрузочных работ, опыта у меня не было никакого. Я шатался без дела из цеха в цех, он же занимался разгрузкой леса. Потом распиловочный материал он грузил в крытые вагоны, платформ не хватало. Грузили лес, шпалы. И когда вагоны с пиломатериалами были загружены, а двери то вагонные открыты для того чтобы ж/д–ый приёмщик принял и убедился что вагоны полные и готовые к отправлению, затем он их пломбирует. Я воспользовался этим случаем, когда вагоны были открыты, и ещё веря в этого узурпатора, Сталина, что якобы не в курсе наших лагерных мытарств, пишу мелом, правой рукой печатными буквами: «Товарищ Сталин, дорогой Иосиф Виссарионович, не мы враги народа, посмотри у себя как следует в Кремле кто-то из народа сидит, узурпирует нас, помоги нам!» Вот в таком духе я написал, и что вы думаете, через какое-то время, месяц, полтора, приезжает следователь и начинает днём и ночью таскать людей. Диктует и заставляет писать печатными буквами, т.е. он подбирал почерк, но его старания прошли даром. В том числе и меня вызывал, заставлял писать под диктовку печатными буквами, но ничего не получилось, и до сих пор это было не раскрыто. После этого какой-то период слышим, Сталин умер. Тут мы заликовали, ждём каких-то перемен, и тут слышим в Норильске какое-то восстание подняли. Люди не стали выходить на работу, и там было целое побоище, и люди не выходя на работу стали требовать московское

начальство. Лагерное начальство вызвало их, приезжают москвичи, столы ставят на лагпункте и руководители восстания выходят и выходят московское начальство и начинается как говорят беседы за круглым столом. Заключённые выдвинули требования: в первую очередь – снять номера, разрешить беспрепятственную переписку и получение посылок. Вот эти условия они поставили и им дали добро. И действительно через некоторое время нам дают команду снять номера. Мы удивились. Проходит какое-то время и к нам приходит этап из украинцев. Они сами себя называли «бендеры», и стали рассказывать как проходило восстание. Но они стали брать власть в свои руки, назначили своих людей в столовую, на хлеборезку, т.е. все тёплые места заняли. После этого, если кто-то из советских заключённых где-то, когда-то провинился перед ними, в каких-то лагерях они опознавали этих людей, заходили в бараки в масках и в лучшем случае избивали этих людей. Бывало, что даже и убивали. Вот такое началось.

Теперь у меня был друг по БУРу – Коля Гречанный, тоже украинец. В один прекрасный момент меня эти авторитеты украинцы вызывают. Сидит там Коля и начинается у нас разговор: что, где, откуда ты, за что. Короче говоря, этот Коля охарактеризовал меня и меня не трогали. Вообще можно сказать, что они манчжурцев никого не трогали.

Тут пришла команда отправлять всех манчжурцев на 011. Прибыв на 011, мы все разбились по бригадам. Там бригадиры были такие как: Волков Юра, Жора Мажуров, Олег Аркашев – хорошие ребята. Олег Аркашев сразу взял меня в свою бригаду. Все эти бригады строили двухквартирные домики из бруса. Через какой-то период нас стали отпускать по пропускам, а это значит, что просто идёшь на работу, можешь после работы задержаться до отбоя, возвращаешься к отбою. Стало жить немного легче.

Наступил 1954г. и я решил написать Маленкову о пересмотре моего личного дела. Это длилось до апреля 1956г. До этого мне предложили стать заведующим столовой. Через некоторое время я решил заняться хозяйственным благоустройством столовой. Воду возили с реки, поэтому сообразили моторчик и стали качать воду прямо в столовую. Где были котлы, стояла большая стена разукрашенная, красивая, где было нарисовано озеро и лебеди. По хозяйственной части я пошёл в мастерскую за красками. Мы ходили свободно, на вышках была вахта. Здесь также находились немцы, японцы.

Вызвал меня майор Эйтлин, соскакивает, бежит ко мне чуть ли не обнимает: «Садись дорогой, вот пришла бумажка, тебя реабилитировали». Послал в отдел кадров, где предложили остаться вольнонаёмным, заведующим столовой. Заключили договор, стал получать 70% северных.

Через некоторое время приезжает московская реабилитационная комиссия. Никого из зоны не выпускают. Комиссия начинает вызывать заключённых и почти 100% людей она реабилитировала. Была видимо команда оставить, как можно больше людей на Вихоревке, так как нуждались в рабочей силе. Около 600–700 человек остались. Таким образом, мы остались на работе с зарплатой. Когда я был заключённым, нам разрешалось

писать письма. Хлеборез немец знал о моём брате и посоветовал мне написать в красный крест. Сам написал письмо, через некоторое время приходит посылки. Однажды меня вызывает оперуполномоченный, открывает стол, достаёт письмо и начинает читать. Это письмо написал брат.

На 013 проездом, где сидел брат, по этапу был доставлен Пётр Дикарёв. Мы переговорили, а утром его отправили в Александровский централ. Когда его посадили в камеру, он начал перестукиваться, а когда запросил Володю, узнал фамилию и дал адрес мой. Стал переупаковывать Володе дефициты: носочки, сладости, сало и курево. Немцы это заметили и стали тоже тащить дефицит. Послал ему деньги. Переписка была длительной и ему потом из Германии пошли письма.

В 1956г. отец написал, что хочет приехать ко мне. Я выхлопотал одну двухкомнатную квартиру, приехал брат Александр и ему тоже дали квартиру, у меня была отдельная квартира. В августе освобождается Володя и поселяется с отцом. Затем здесь появляется молоденькая воспитательница детского сада, Елизавета Васильевна. На ней Володя женился. Работал он в доке, электриком. Закончил он в Германии высшее учебное заведение иностранных языков. Надо сказать, что Володя приехал с тюрьмы со справкой об освобождении, а реабилитации у него не было. При нашем почтовом ящике был прикомандирован сотрудник КГБ, майор Виктор Николаевич Комаров, Он ходил в форме, часто ходил по цехам. Однажды мы встретились и разговорились. Я ему сказал, что брат приехал без реабилитации, на что тот ответил, чтобы Володя написал заявление. Мы так и сделали. Через несколько месяцев пришла реабилитация.

Володя постоянно говорил, что работа в почтовом ящике не для него, что он хочет заниматься языком. Он решил с женой перебраться в Новосибирск, и уехал туда в 1962г. Володя поступил в одну из престижных столовых. Однажды в столовой он увидел людей говорящих по-французскому, разговорился. С ними была декан, с Академгородка, института иностранных языков, она им заинтересовалась. Володя начал преподавать французский язык в институте. Он устроил и свою жену учиться заочно, она успешно закончила, и осталась там преподавать.

Володя рассказывал, что как бы он не ухитрялся не служить, его забрали в 9–ю немецкую армию, которая находилась на территории СССР. В деревне Турск, Гомилевской области. Вращался он среди командного состава, так как работал связистом. Естественно кроме работы он прогуливался по деревне и познакомился с одной молодой женщиной, Щербаковой Т.Л. Стали они часто встречаться и Володя вступил с ней в интимные отношения. Впоследствии, он человек не глупый, она расспрашивала его, что он делает, что у них там в штабе, и он понял, что она имеет какую-то связь с партизанами. Немецкой армии было известно, что в лесу скрываются партизаны. Таким образом, Володя вошёл в доверие, она познакомила его с родителями, и в результате Володя стал работать на партизан. Он, рискуя своей жизнью, передавал им всё, что знал и мог узнать от немецких офицеров во время их застолья. Он иногда претворялся пьяным,

а в пьянке они рассказывали такие вещи, которые его и партизан интересовали. И было такое дело, мне его с Украины прислали, что командир партизанского отряда пояснял, что Володя вовремя через Щербакову дал знать, что фашисты готовят акцию против партизан. Узнав это, партизаны ушли дальше в лес и эта акция у фашистов сорвалась.

Наша доблестная армия начала бомбить деревню Турск, где располагалась 9–я армия, фашисты стали быстро свёртываться и дали дёру отсюда. Этим самым воспользовался Володя, захватил карту расположения немецких войск и сразу же перешёл к партизанам в лес вместе с Щербаковой и её семьёй, а также многие жители деревни. Они скрывались до тех пор, пока не подошла наша армия. Когда Красная Армия вступила сюда то жители вернулись вместе с партизанами в деревню, но беда в том, что дома все были разрушены. На удивление всем дом Щербаковой остался цел. Володя поселился там, но неожиданно приехал муж Щербаковой, а она думала, что он погиб, так как переписки не было. Естественно он передаёт в НКВД кляузы всевозможные на него. Володю забирают, и таким образом, он оказывается в Александровском централе, а потом во Владимирской тюрьме, затем в 1956г. освобождается и приезжает ко мне на Вихоревку, далее я уже рассказывал о судьбе Володи, о его жене, впоследствии у них родилась дочь Ирочка. Окончив 11 классов, как отличница, они подготавливали её в институт иностранных языков. В конечном итоге она его заканчивает и через некоторое время, а у Володи с Лизой были паспорта заграничные, пятигодичные, и они ездили во Францию, по пути заезжали к своему отчиму. После некоторого времени Володя снова был во Франции и заезжал к отчиму, но он скончался. Володя нашёл там папку. Всю переписку: как он искал Володю по всем инстанциям, даже в 9–ю армию писал с просьбой ответить, где его сын. Ему командир 9–й армии отвечает: Ваш сын дезертировал к партизанам, поэтому заочно приговорён к смертной казни. Эти документы у Володи все в подлиннике в домашнем архиве хранятся. Новосибирский мемориал заинтересовался, переснял эти документы. Вот так сложилась их судьба. Ирочка впоследствии вышла замуж и, родилась у них дочь, которая тоже поступила в институт иностранных языков, изучать французский и другие языки. Вот так создалась крепкая и дружная семья.

В 1990г. Володя сильно заболел, видимо лагерное содержание сильно повлияло на его здоровье. Его положили в больницу, мы не дождались его выздоровления, и он скончался. Царство ему небесное и пусть земля ему будет пухом.

Из–за своего старческого склероза вспомнил я, о том, что я говорил раньше. О побеге полковника и его друга маньчжурца, который женат на японке, о Широглазове и Семёнове. А сказать хочу вот что: если поймают в каком-нибудь отдалённом месте во время побега, то обязательно приводили живыми, так вот их не приводили, видимо им удалось всё-таки попасть за границу. Полковник этот тоже был арестован контрразведкой.

Ещё хочу сказать, что как я, так и мой брат очень уважали участников Гражданской войны. Ими было пережито очень много, погибло их очень много, сотни тысяч, борясь с фашистами за освобождение нашей территории.

Но обидно, то, что участники войны как ленинцы так и сталинцы, смотрели на нас как на врагов народа, но мы ничего плохого для родины не сделали, а наоборот старались делать только хорошее. Да после реабилитации трудились честно, добросовестно, имеем грамоты, похвалы. Нам обидно почему они не вспомнят о нас, ведь их отправляли на фронт эшелонами на паровозах, а паровозы эти питались углём, который добывали голодные, доходяги, опять-таки заключённые, пачками умирающие в шахтах. Ведь на этом-то угольке участники войны попадали на фронт, а они видите ли на нас до сих пор обижаются. Ведь мы трудились не покладая рук: отправляли стройматериалы для окопов, клали рельсы. Сколько же погибло – это же ужас просто. И никто, в некоторых случаях, некоторые авторы вспоминают, а в общем о нас «гулаговцах» забыли. В Томске на настоящий момент осталось 65 человек, в Асино – 16, и по районам 3–4–5. Всего 102 – 103 человека. О нас забыли, нигде, ни в прессе, ни по телевидению. Об афганцах, чернобыльцах, участниках ВОВ пишут, а о нас забыли – мы старики 75, 85, 96–летние, зачем они нужны. Единственное общество «Мемориал» нет, нет да и заботится. Солженицынский фонд появился, который материально помогает.

Вот так мы и живём.

Хочу чтобы вы послушали песенку «приблатнённых» как нас называли уголовники, о войне:

Там в дали за рекой побелел небосвод,
В небе ясном заря загорает,
Сотни старых бойцов из будёновских войск }
В лагерях до сих пор загнивает. } 2р

Я не буду молчать, нужно правду сказать,
Если сердце огнём обжигает,
Заключённых судьба в темноте залегла }
И потомство страны исчезает. } 2 р

Я немало сидел, волос весь побелел,
Научился считать и в законе,
Мне повсюду везло, изучил ремесло }
Властью тех, кто носит погоны. } 2р

В годы грозной войны были мы штрафники,
Кровью нашей вину искупали,
Шли мы в бой на врага, но кричали «ура», }
И за Сталина мы погибали. } 2р

Эту песню пропел срок свой не отсидел,
В небе ясно закат догорает,
Сотни юных отцов заменили отцов, }
Ни за что в лагеря попадает. } 2р

Вот так и участники войны прошли лагеря, погибали они там пачками по вине какого-либо мерзавца, донесшего на него, попадали в лагеря. Но они всё-таки верили, что Сталин об этом не знает, но это не так. Сталин всё знал до конца.

Даже его дочь, Аллилуева и то от него отвернулась, уехав в Америку, приняв американское подданство и православие. Зажила по-новому, отвергнув коммунистические идеи, зажила, уже веря в судьбу, как она выражается, а когда была коммунисткой, не верила ни в судьбу, ни в Бога, ни в чёрта.

На днях по радио услышал, что в Карелии общество «Мемориал» производило раскопки и обнаружило целое захоронение – братские могилы. Всё это собрали и вместе с администрацией города и органами ФСБ, сделали перезахоронение и памятник поставили: «Погибшим от Сталинских репрессий». Такое большущее количество невинных жертв.

В нашем Томском музее хранится карта, на которой изображены все по Томской области, какие есть лагеря, так вот если вдуматься, как следует, сколько людей и где они были захоронены неизвестно. Но всё это когда-нибудь вскроется, а гибли люди от голода, холода, от непосильного труда. Людей хоронили в определённых местах, но где пока неизвестно, единственное, что мы обнаружили – это за Томской тюрьмой.

Хочу вернуться опять назад. Я вспомнил, что мы с братом переписывались, когда он был в Александровском централе и во Владимирской тюрьме и потом уже при встрече, когда он приехал, он привёз 2 толстые тетради. Оказывается каждое письмо, которое он получал от меня, в этой тетрадке фиксировал своим почерком, писал мне ответ и так же фиксировал. Вот эти 2 толстые тетради хранятся у его жены. Там есть даже письма, которые на французском языке, которые он посылал туда. Вообще очень интересная тетрадь, и если потребуется, я могу её достать.

Хочу сказать несколько слов об одном уникальном человеке, который проживает в Асино – это Данил Петрович Алин. Тренин Б.П. попросил его написать его о своей судьбе в письменном виде, затем Борис Павлович скорректировал это, и вышла уникальная книга «Мало слов, а горя реченька».

Данил Егорович с молодости обладал геркулесовским здоровьем, умением обладать собой и выживать в трудных условиях. Это сложно быть между трёх огней: лагерной администрацией, уголовниками и лагерными придурками. Мало кто при таких условиях выживал. Данил Егорович прошёл страшные, нечеловеческие издевательства зверского советского НКВД-ного гестапо, под мудрыми санкциями ленинско–сталинской банды. Читая о его

жестокой судьбе диву даешься, как это всё можно было пережить: ножевые ранения, голод и холод.

Мне, находясь за колючей проволокой с 1945, начиная с Уральских лагерей и кончая Озерлагом, не раз приходилось видеть людей прибывших из тюрьмы после окончания следствия гестаповскими методами советского НКВД–ного зверья. Вынуждали подписывать необоснованные обвинения, получавшие сроки ОСО по 10–15–20 лет. Морально и физически их организм больше не выдерживал, и они умирали от ослабленного здоровья или пыток, или от отчаяния бросались на запретку под вышкой охраны, солдат его убивал, а за это как предотвратившего побег, получал 10 дней отпуску и наручные часы в придачу. Такие же пытки и издевательства перенёс и Данил Егорович. На удивление как он мог после всего пережитого, как он мог, находясь за колючей проволокой выжить 18 лет, терпя весь ужас лагерной жизни. Освободившись в 1957г. он стал примерным семьянином. Нажил дом, хозяйство. Данил Егорович до сих пор является членом общества «Мемориал». Живя в Асино, он периодически бывал в Томске, заходил в общество «Мемориал» для решения вопросов. Нина Поликарповна и Вильгельм Фаст давали ему из фонда Солженицына деньги для Асиновских гулаговцев. Иногда он приезжал и получал по 150тыс. или 200тыс. рублей на каждого. Поручали заполнять ведомость, и он эту ведомость сдавал. Большое спасибо Солженицыну и его жене. Эта материальная помощь была для них существенной.

С конца 1996г. Данил Егорович заболел, видимо всё же на 75 году жизни зверства советского НКВД отразились на его здоровье. Более 40 млн. человек перенесшие аналогичные муки давно ушли в иной мир.

Как строилась железная дорога Тайшет– Лена

Генерал Гвоздевский курировал строительство ж/д до самой Лены от Тайшета. Через каждые 3–5 км были лагеря. Назначался бригадир из числа уголовников. Функции: отсыпка насыпи, прокладка рельс. Уголовники были очень жестоки к своим бригадникам, подгоняли ежеминутно. В случаях, когда приезжали начальники, впереди был специально оборудованный вагон, перед вагоном уголовники прокладывали рельсы – рельсы проложили, состав прошёл. Изнеможенные люди по 40 человек брали одну рельсу, чтобы установить её на шпалы. Если кто-то из бригадников отставал, то бригадир его лупил палкой по спине. Генерал Гвоздевский стоит и в ладоши хлопает. Подзывает бригадира и спиртом угощает. Люди умирали пачками, дорога построена на костях заключённых.

В конце 1947г. по разным лагерям нагнали военнопленных японцев, им были поручены также ж/д участки.

Когда по приказу свыше сняли номера, конвой, все те работники лагерной администрации, которые относились к нам плохо все разбежались, на их месте появились новые. Когда я был зав. столовой у нас были корейцы, японцы, немцы. Когда приезжали реабилитационные комиссии их грузили в пассажирские вагоны и отправляли на родину. Когда подают вагоны, моя

обязанность была выдавать сухой паёк на дорогу. Один раз я приехал, у нас надзиратель был не русский, он был такой гад, и вдруг мы встречаемся на вокзале, он от меня побежал и спрятался в ж/д милиции. Я захожу туда, а он в кабинет начальника забежал, меня туда не пустили.

Ещё один эпизод из жизни на 011. У нас зав. столовой был Володя Петров, хороший парень, мы ему доверяли. Он нам сочувствовал и помогал в питании. Был надзиратель Кулик и он с ним договорился, что под кашей клали жареную картошку и так далее. Вдруг появляется новый дневальный и Кулик не стал появляться с ним в БУРе. Этот дневальный был стукач из стукачей, прибыл из другого лагпункта. Получилось так, что Кулик с ним раза два приносил, и по-видимому этот стукач доложил начальству. Кулика уволили. Потом он стал приносить пищу с другими надзирателями. Однажды я подошёл к нему, чтобы заглянуть ему в морду. Он по взгляду понял, налил мне баланду, а я ему в морду плеснул. Меня вывели в изолятор. Вечером ко мне привели моего испанца Моралиса, он ему тоже плеснул в морду. На следующий день подошёл к окну, один из прутьев оказался слабый, выдернул его – оружие есть. Затем я говорю Антону, чтобы он притворился, что болен. Приходит дневальный, приносит хлеб и воду. Подносит хлеб Моралису, а его сзади этим прутиком по спине, по голове, по плечам. Надзиратель убежал, привёл с собой четверых, меня посадили в одиночку.

Лагерное начальство всегда старалось, если вдруг сверху намечается какой-нибудь этап, избавится от таких людей как мы. Однажды меня, Моралиса отправили на 022.Приезжаем, нас сразу вызвал начальник и сказал, что надо провести большую работу: 600 м. отсыпать насыпи, корчевать деревья. Мы стали бригадирами. Проценты у нас были высокие, начальство было нами довольно.

(Продолжения нет)

Лиза на дому преподаёт французский язык. Она была вдохновением Володи и в работе и в жизни. Семья его, включая его дочь Ирочку, внучку Надюшу – это способное потомство к языкознанию. У Елизаветы Васильевны прекрасный молодой зять в чине полковника.

Хочу вернутся к выше изложенному. У меня есть фотографии, когда Сталина и Берии не стало, то можно было переписываться, посылки получать, фотографироваться. У меня есть фотография всех буровцев, кто со мной сидел. В центре сидит Коля Смирнов, один вид его чего только стоит, жёсткий человек. Он имел за плечами 15 лет, находясь в Чудском Озерлаге. Когда начальник поднял на него руку, он его на другой день зарезал прямо в зоне.

На снимках люди – буровцы, есть среди них мой друг Василий Пасечников. Когда я был бригадиром каменного карьера, ко мне приехал этапом этот Василий. Сдружился он с начальником конвоя. В один прекрасный момент мы увидели с удивлением, что они вышли из зоны и легли на поляночку – о чём-то разговаривали. Слышим выстрел, напугались,

оказалось, это они ворон стреляли. Среди нас был манчжурец стукач, но всё обошлось, только начальника конвоя сменили и тот оказался хорошим.

Был и другой случай, на 011 был оперуполномоченный, который однажды вызвал меня. Опер говорит мне, что у них с деньгами плоховато, голова с похмелья болит, а похмелиться нечем. Он знал, что у нас всегда есть в заначке деньги. Пасечников пошёл, принёс три бутылки. Мы выпили, закусили, поговорили. На 013 майор Ляпкин, такой же был случай. Когда он был капитаном, им был не доволен Эйтлин. Он говорил, что Ляпкин пьяница, но затем Ляпкина послали на повышение квалификации.

В отделении лагпунктов на Вихоревке было 10 лагпунктов и плюс 2 лагерные больницы: одна в Вихоревке, другая в Братске. Старший уполномоченный главный над всеми уполномоченными лагпунктов. Ляпкин пробыл с нами старшим уполномоченным до последнего освобождения. Когда я был зав. столовой он часто ко мне заходил, выпивал.

В Томск я приехал из Вихоревки, Братского района в 1972г. В 1976г. я женился гражданским браком на Зоркольцевой Виктории Анатольевне, а в 1978г. решили зарегистрироваться. У моей жены была дочь Надя, внук Коля, внучка Вика. Муж Нади – Анатолий в 1992 г. умер от инфаркта. Коля, закончил училище связи, и сейчас служит при училище командиром взвода.

Мы с женой решили нашу квартиру отдать внуку Коле. Жена умерла, живу у Нади.

Я каждый год, когда ещё был жив брат, ездил в Новосибирск и в 1989г. поехал на день рождение его жены. Брат рассказал, что у них есть льготы как репрессированным, приехав в Томск я обратился к юристу, который отправил меня в обществ «Мемориал».

Сегодня 28 июля 1998г. меня пригласили в ФСБ, сотрудник Панько, который сообщил, что на мой запрос о лагерном деле пришёл ответ. Когда мы открыли дело, оно буквально было в ученическую тетрадь, там вся моя переписка, листочки, которые значимости не имели. А где же всё остальное? Должны быть рапорта, кляузы стукачей, а главное формуляр, т.е. лагерный паспорт, который исписан красным карандашом (ФИО, статья, срок, номер нагрудный, номер коленный). Панько говорит, что это уничтожали ранее. Познакомился с личным делом брата, там тоже тоненькая тетрадь.

Мне хотелось бы, чтобы мне верили, хочу рассказать о своём вспыльчивом характере. Однажды на совете «Мемориал» коснулся вопрос о Чечне. Один человек сказал, что мы должны перед чеченским народом встать на колени. Я взорвался: «Русский народ никогда на коленях не стоял, даже перед фашистами!».

Находясь уже 40 лет на свободе, я бы мог уже изменить свой характер, но 11 лет пребывания в лагере сделали мой характер никудышным и изменить, никак не получается.